

III. СССР В ПОСЛЕВОЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Международное положение СССР после войны, в которой он победил ценой больших потерь, было в высшей степени парадоксальным. Страна была разорена. В то же время ее лидеры имели законное право претендовать на видную роль в жизни

мирового сообщества. Бесспорно, на Советский Союз тогда работал своеобразный «эффект Сталинграда» как в общественном сознании, так и среди элиты стран-союзников. Но все же соотношение сил было для СССР едва ли не худшим за все время его существования. Да, он извлекал выгоду из оккупации обширнейшей территории большей части Европы, и его армия занимала по численности первое место в мире. В то же время в области военной технологии и США, и Великобритания далеко обогнали СССР, промышленный потенциал которого в западных регионах к тому же понес огромные потери.

Таким образом, налицо было острое противоречие между видимой ситуацией и реальным раскладом сил. Советские руководители ясно осознавали это положение, что заставляло их испытывать сильное чувство уязвимости, но в то же время они считали, что СССР стал одной из великих держав. Тем самым включение Советского Союза в международную сферу характеризовалось большой нестабильностью. В этой ситуации были возможны два подхода: первый предполагал усилия по сохранению «большого альянса», созданного в годы войны, и получение передышки для реконструкции и развития экономики; второй делал эквивалент военного противовеса из приобретения «залогов безопасности» посредством расширения сферы советского влияния. Эти два взаимоисключающие подхода, предполагавшие противоположные восприятия «других», отражались в позициях, дискутирующихся в партийном руководстве. Первый, защищавшийся в 1945 г. группой Жданова — Вознесенского, исходил из традиционного тезиса о неизбежности развития в мирное время «межимпериалистических противоречий», прежде всего между Великобританией и США, которые позволили бы СССР вести, как и в довоенные годы, изощенную дипломатическую игру в многополюсном мире и препятствовать образованию «единого империалистического фронта». Второй подход, поддерживаемый Маленковым и Сталиным, исходил из предположений о неминуемом кризисе, который сметет капиталистическую систему, но отодвигал его приход в отдаленное будущее, признавал существование возможности урегулирования отношений в двухполюсном мире между социалистическим лагерем во главе с СССР и империалистическим лагерем во главе с США и подчеркивал опасность скорой конфронтации между ними.

Из-за некоторой пассивности западных держав второй подход, непосредственно выражавшийся в политике приобретения «залогов безопасности», возобладал в первые месяцы, последовавшие за Ялтинской конференцией, — вероятно, при личном содействии Сталина, полностью поддерживавшего концепцию зон влияния, ободренного успехами в Польше, Румынии и Чехословакии и желавшего добиться окончательного признания СССР в качестве сверхдержавы.

В условиях все более поляризующегося мира эта политика привела в последующие годы к образованию блоков, конфронтации, в первую очередь вокруг немецкого вопроса, и настоящей войне в Корее. После sporadических столкновений 1945—1946 гг. «холодная война» вошла в свою активную фазу летом 1947 г., когда мир раскололся на два антагонистических блока. Впрочем, усиление напряженности всегда умело дозирировалось и с одной, и с другой стороны в зависимости от того, как каждый лагерь видел свою сферу влияния и оценивал свою волю к сопротивлению. Так, СССР проявлял большую осторожность и даже робость (Сталин признает это через несколько лет) в своей политике по отношению к китайским коммунистам в 1945—1948 гг., полагая, что американцы рассматривают этот регион как часть своей сферы влияния. Натолкнувшись на твердую позицию США и Англии, он отказался от своих претензий на Иран и Турцию. Напротив, поняв буквально заявление Рузвельта в Ялте о том, что американские войска в течение двух лет будут выведены из Европы, Советский Союз пошел на риск в Берлине и проявил непоколебимую решимость строго контролировать, чего бы это ни стоило, режимы, которые он создал на своих восточноевропейских рубежах.